

Номинация №1: «Пьесы» – драматургические произведения, не попадающие в тематические номинации конкурса.

Место

*«Каждого дело обнаружится;
ибо день покажет,
потому что в огне открывается,
и огонь испытает дело каждого,
каково оно есть».*

Апостол Павел.

«Первое послание к Коринфянам».

3:13-15

Действующие лица:

Философ

Крикун

Шутник

Мать Крикуна

Медсестра

Действие I

Картина I

Белое пространство. Пол застелен «волнами», которые шелестят от движения воздуха и чуть поблескивают. Звук прибоя. Освещена только авансцена, остальное пространство в тени. На авансцене, на полу, сидит мужчина: белая рубаха-толстовка, белые брюки, не то пижама, не то роба, а может это такой модный льняной костюм, ноги босые. В глубине сцены стулья, табуреты тоже белые. Мужчина сидит в отрешенной, расслабленной позе. Голова свешивается на грудь, глаза полузакрыты. Спит, не спит, медитирует, не поймешь, сидит человек, как удобно, так и сидит. Из левой кулисы появляется еще один персонаж. Одет так же, как и первый. Осматривается.

Второй мужчина: Эй!

Голос звучит неожиданно гулко. Второй мужчина вздрагивает и инстинктивно пригибается.

Первый мужчина (не открывая глаз и не поворачиваясь): Зачем так громко...

Второй мужчина шепотом, но все равно получается довольно громко.

Второй мужчина: Это, что?

Первый мужчина (приоткрыл глаза, посмотрел): Крикун... Место ...

Крикун (пытаясь пошутить): Все говорят, что мы вместе, но немногие знают, в каком...

(Первый мужчина не реагирует) Ну, попал...

Первый мужчина без интонаций, не повышая и не понижая тона:

- Человек это и феномен и ноумен, он и явление и вещь – в – себе. Вещь — в – себе –можно сказать - душа. То есть человек может представлять себя двойким образом, и как предмет, и

как мыслящее существо, принадлежащее к умопостигаемому миру. Только как мыслящее существо человек есть подлинное Я.

Крикун: Это Кант, «вещь в себе»?

Первый мужчина кивает.

Крикун: Философ.

Философ никак не реагирует, продолжает говорить.

Философ: Душа страдает, она не хочет быть просто явлением, телом, жить как животное: есть, пить, спать, устраивать гнездо...

Крикун (перебивая): Я понял..., слушай, а, где мы..., белое все..., мне всегда снится какая-то ерунда, особенно под утро... (Закрывает глаза, трясет головой, открывает глаза).

Философ открывает глаза, поверачивает голову, нормальным голосом, даже слегка раздраженно:

- Ни чего ты не понял..., еще...

Отворачивается, продолжает с того места, где его прервал Крикун:

- Грустно, что человек живет по мертвым и непонятным законам природы, и он никогда, как бы ни пытался, не поймет их суть. Природа не отвечает человеку, а предоставляет его самому себе...

Во время монолога Философа Крикун встает, проходит в глубь сцены, осматривается, передвигает стулья. Подходит к Философу, становится над ним в расстоянии шага, рассматривает, тот не прерываясь продолжает свой монолог.

Философ: В этом случае человек приходит к выводу, что он сам для себя есть и истец и ответчик, и подсудимый, и судья, и он не хочет более переносить эту глупую комедию, она для него слишком унижительна. Это и есть логическое самоубийство...

Крикун (обращаясь к Философу): Слушай, хватит, а? Объясни мне, где я...

Философ не слушает, молча кивает головой, как человек, который разговаривает сам с собой, или в трансе.

Крикун (смотрит на Философа): Полный игнор...

Философ (невозмутимо): Человек несчастен, и он не хочет больше страдать, выход и избавление от страданий он видит в уничтожении собственной жизни. Сознательно убивая себя, человек тем самым нарушает закон – один из основных законов природы...

Крикун: Дурдом...

Берет Философа за плечи, трясет.

Крикун (раздраженно): Я хочу понять, куда я попал! Ты вменяемый вообще?

Философ (не меняя интонации, не возмущаясь): Чем бесноваться, займись каким-нибудь полезным делом, чтобы не отвлекать умных людей от постижения истины.

Крикун (оторопело): Что?!

Философ: Бессмысленные вопросы не вносят ясности, а лишь отвлекают от осознания реальности ...

Крикун (зло): Вот я тебе сейчас в нос двину, чтобы вернуть чувство реальности!

Философ (совершенно спокойно): А вот это, друг мой, вне Ваших возможностей.

Крикун: Твою мать! (Замахивается на Философа).

Из правой кулисы появляется третий мужчина. Одет он так же, как Крикун с Философом. Быстро осматривается, одним прыжком подскакивает к Крикуну, хватая его за руку.

Третий мужчина (с нажимом, но весело): Ша! Я за любой кипиш, кроме мородобоя

Крикун яростно отталкивает его.

Крикун: Шутник!

Оглядывает Шутника.

Крикун: Подожди, а ты откуда свалился?

Шутник: Если я тебе скажу «с Луны», поверишь?

Крикун отходит от Шутника, хватается за голову:

- Бред какой-то! (Бормочет) встал сегодня, хотел кофе выпить... , я же шел на работу..., да..., машина не завелась..., непруха..., блин, не помню...

Шутник внимательно смотрит на Крикуна.

Шутник: Понятно...

Крикун: Какого («проглатывая» ругательство) тебе понятно?!

Философ сидит, кивая себе головой, очевидно в ритме слов, которые он произносит про себя.

Крикун (кивая на Философа): Вон, сидит, отмороженный...

Шутник: Та-ак, давай, что за чем, и с некоторой горячностью (видя, что Крикун начинает заводиться), только без эмоций..., лады?

Крикун (стараясь быть спокойным): Лады.

Шутник (примирительно): Во-от ..., давай сядем, для начала...

Садится на пол чуть впереди Философа. Крикун приносит стул, садится лицом к спинке, нависая над Шутником. Философ неожиданно громко, повернувшись к Крикуну и Шутнику:

- В состоянии контакта со своим советчиком необходимо исследовать все области своей жизни на предмет безупречности. Ведь абсолютно все, что делает мистик, должно быть соотнесено с мыслью о собственной смерти.

Крикун: Что за фигня?! «Гарри Поттер и дары смерти»!

Шутник (Философу): Помолчи! Не хочешь объяснять, не мешай... С чего же начать-то...

Крикун (вскакивает со стула): Слушайте, идите вы оба! Я сейчас встану, уйду, проснусь...

Шутник: Угу..., если вам перешла дорогу черная кошка, значит, животное просто куда-то идет, по своим делам. Не усложняйте друг другу жизнь.

Крикун: При чем тут кошка?

Шутник: Ни при чем... Отсюда не возможно уйти... самому

Крикун: Так объясни. (Снова садится на стул лицом к спинке)

Шутник: Я пытаюсь... Понимаешь, это такое место, куда приходят все... Только у каждого оно свое и каждый видит здесь что-то свое...

Крикун (с иронией): Ну, понятно, типа, выручай-комната в школе Хогвартс...

Шутник: Скорее, коридор программных ошибок в «Матрице» ...

Крикун встает, садится рядом с Шутником, смотрит ему в глаза, машет перед лицом рукой. Шутник отодвигается.

Шутник: Ты чего?

Крикун: С чего ж тебя так вштырило, а, братан? Ты чего вдул?

Шутник (грустно): Не вдул, а вмазал.

Крикун: Чувствуется...

Шутник встает, прохаживается взад вперед по сцене. Останавливается перед Философом, который сидит неподвижно с закрытыми глазами. Присаживается перед ним. Обращаясь к Философу.

Шутник: С чего начать?

Философ открывает глаза, смотрит на Шутника, совершенно осознанно:

- С прошлого...

Шутник: А, если он не помнит?

Философ (равнодушно): Пусть вспомнит... (Закрывает глаза).

Шутник (смотрит на Крикуна): Попытка не пытка...

Философ (открывает глаза): Да... хоть какой-то шанс.

Шутник: А ты?

Философ: Как видишь... (Закрывает глаза, снова раскачивается, как в медитации).

Крикун: Господи, куда я попал?

Шутник (серьезно): Куда должен был... Твое счастье еще, что ты тут не один.

Крикун: Да, конечно, один пургу метет, другой прихода ждет! Зоопарк!

Шутник: Короче так, хочешь отсюда уйти, вспоминай, как ты сюда попал!

Крикун (с иронией): С момента зачатия?

Шутник: Как хочешь...

Крикун: Ты серьезно?

Шутник: Абсолютно!

Затемнение.

Картина II

Обстановка первой картины. Шум прибора слышен более отчетливо. Крикун сидит рядом с Философом в медитативной позе. Шутник на заднем плане двигает стулья, один падает, Крикун вздрагивает и оборачивается, Философ не реагирует.

Шутник (Крикуну): Извини.

Крикун: Что ты делаешь?

Шутник: Пытаюсь построить самолет и улететь отсюда к едрене фене... Ну, что?

Крикун (раздраженно): Ничего... лезет в голову всякая ерунда... собака...

Философ (открыл глаза, с интересом): Какая собака?

Крикун: Крупная, лохматая, с блестящей шерстью... бежит впереди меня, оборачивается и смотрит, как будто зовет ...

Философ: Лает, воет?

Крикун: Молчит.

Философ и Шутник обмениваются взглядами.

Философ: Что молчит, это хорошо.

Шутник: Ты вообще как, собак любишь?

Крикун: Ну... не знаю, вроде не ел..., а что?

Шутник: Это хорошо, что не ел. Они этого не приветствуют.

Крикун: Кто?

Философ: Собаки.

Снова закрывает глаза, сидит неподвижно.

Крикун (посмотрел на Шутника, пожал плечами): Бред!

Шутник: Ты не отвлекайся, не отвлекайся.

Крикун закрывает глаза. Сидит неподвижно. Философ открывает глаза, вопросительно приподнимает голову, смотрит на Шутника. Шутник делает Философу приглашающий жест, тот тихонько встает, чтобы не потревожить Крикуна, подходит к Шутнику.

Шутник (вполголоса): Ты, думаешь, он на дороге?

Философ: Не знаю..., что я вообще знаю... (задумывается) нет..., не похоже...

Шутник: Ну, бежит же впереди...

Философ: Это еще ничего не значит..., я сюда тоже шел...

Шутник: ... за собакой?

Философ (неохотно): Да.

Шутник: Извини, а, как она выглядела?

Философ (прищурившись): Как... (вдруг улыбнулся и засмеялся) боксер! У нас был боксер. Такой соломенный, здоровенный переросток. Морда слюнявая... (Оживляясь) Вот так ему руки подставишь (складывает руки ковшом), а он пих в них морду, за ухом его почешешь, а он похрюкивает (смеется). Они очень славные...

Раздается собачий лай, собака лает радостно, взвизгивает, детский голос кричит:

- Руник, Руник, где мячик?! Ищи!

Топот ног, собака фыркает, чихает, ребенок смеется. Крикун вздрогнул, открыл глаза.

Крикун (полушепотом): Мам, а давай заведем собаку...

Шутник подскакивает к нему, садится перед ним на корточки:

- Вспомнил?

Крикун (ошарашено): Да..., кажется...

Шутник (торжествующе Философу): Я ж тебе говорил!

Философ пожимает плечами, равнодушно отворачивается, берет стул, садится, подтягивает колени к подбородку, кладет на них голову, закрывает глаза.

Крикун (Шутнику): Я просил маму завести собаку, она не хотела... Говорила, кто с ней будет гулять...

Шутник (нетерпеливо): Давай, давай!

Крикун: Мне было пять лет...

Шутник: Не важно! Дальше!

Частичное затемнение. Крикун ставит стул посреди авансцены. Из левой кулисы выходит женщина, садится на стул. Крикун садится перед ней на пол, обнимает колени руками, смотрит на нее. Всю сцену он ведет себя и говорит, как ребенок лет пяти. Откуда-то издали донесся звук резко захлопнувшейся двери.

Крикун: Мама, а куда папа ушел?

Мать сидит прямо, руки сложены на коленях лодочкой, смотрит вверх головы Крикуна, что называется в одну точку. Говорит ровно, спокойно, без выражения.

Мать: К другой тете.

Крикун: А почему?

Мать: Потому, что она ему больше нравится.

Крикун: А, когда он вернется?

Мать делает неопределенный жест, «не знаю».

Крикун: Погуляет и придет?

Мать молчит. Шутник встает, подходит к Матери, пытается ее обнять, заглянуть в глаза, Мать отводит его руку, отворачивает лицо.

Мать: Иди, поиграй...

Крикун: Зачем?

Мать: Ты мне мешаешь...

Крикун: Но ведь ты ничего не делаешь ...

Мать не реагирует на его слова. Крикун отходит от Матери. Постояв немного, решительно возвращается, садится перед Матерью. Говорит требовательно, как говорят дети, когда предлагают взрослым логичный на их взгляд выход из ситуации.

Крикун: Мама, давай заведем собаку!

Мать: Что? (Посмотрела на Крикуна)

Крикун: Собаку... Она будет нам вместо папы... Большую, добрую... Будет нас любить и защищать... Я буду с ней разговаривать, а она будет меня воспитывать. Собаки все умеют только не говорят, но это ничего, они все равно все знают.

Пододвигается к матери. Тербит ее за руки.

Крикун: Ну, мама!

Мать убирает руки, отодвигает Крикуна, встает, смотрит на него сверху вниз.

Мать (резко): Только собаки мне не хватало! Один гуляет, другой собаку решил завести! Мне мало с тобой возни! Иди к отцу его проси! Хоть крокодила!

Крикун (удивленно и обиженно): Куда, к другой тете?

Мать (раздраженно): Куда хочешь! Никогда он не вернется, понял?! Ты ему не нужен, не с собакой, не без! Все вы одинаковые! (Оглядывается вокруг). Собаку ему! Посмотри, все вокруг разбросал! Игрушки убери! Собака! Все валяется!

Крикун (растеряно): Мама, ты что?

Мать (срывается на крик): Убери, я сказала! А то сейчас всыплю по первое число, задница будет синяя!

Мать встает, резко отодвигает стул, уходит. Крикун смотрит ей вслед, закрывает лицо руками. Через секунду поднимает голову, кричит сквозь слезы:

- Я тебя не люблю, ты злая! (Плачет).

Затемнение.

Картина III

Обстановка первой картины. Крикун лежит лицом вниз посреди авансцены. Философ стоит над ним. Шутник сидит чуть в стороне «верхом» на стуле, положив подбородок на спинку и свесив руки вдоль тела.

Философ (Крикуну): Все это в прошлом, понимаешь? Если устраивать такой session после каждого раза, то просидишь здесь ... (Перебивая сам себя) Хотя..., все равно...

Шутник: Оставь, отойдет...

Философ отходит от Крикуна, садится на пол, закрывает глаза.

Шутник (философу): Э-э! Еще ты не улетай, а то совсем с тоски повеситься можно.

При этих словах Шутника Философ сорвался с места, в один прыжок оказался рядом с ним, потрянул его за плечи так, что тот едва не упал.

Философ (зло): Заткнись!

Шутник (потирает плечо): Чи шо, сказывся?! Если человек говорит, что он готов повеситься от скуки, это не значит, что он потенциальный самоубийца.

Философ: Мысли материальны... Тем более, слова!

Шутник (с любопытством): Здесь тоже?

Философ: Везде!

Шутник (задумчиво): Та-ак, значит...

Философ (горячо): Это самый тяжкий грех!

Шутник: Ну, да: «Аще убьет сам себя человек, ни поют над ним, ниже поминают его...», дикость средневековая! Японцы, между прочим, не считают самоубийство грехом...

Философ: Там другой смысл...

Шутник: Смысл всегда один и тот же...

- Я — Франсуа, чему не рад,

Увы, ждет смерть злодея,

И сколько весит этот зад,

Узнает скоро шея.

Философ: Не паясничай!

Шутник встает со стула. Подходит к Крикуну.

Шутник (обращаясь к Крикуну): Месье, а, как Вы считаете?

Крикун (переворачиваясь на спину): А идите вы оба! Нашли вопрос для обсуждения...

Шутник: И все же?

Крикун: Я когда-то рассказ читал... «Харакири»... Красиво. Ромео и Джульетта с японским колоритом.

Шутник: А я о чем? Если оправданно...

Философ хватается за голову.

Философ: Господи, вы два идиота!

Крикун (привставая): Да? А я думал, это вы два идиота

Шутник захохотал.

Шутник (сквозь смех): Все, статус «кво» восстановился!

Философ (отчаянно): Если бы я только знал, что будет, я бы никогда!

Крикун (он явно не понимает): Что никогда?!

Шутник: Ты хочешь сказать...

Философ (погасая): Да...

Частичное затемнение.

Философ сидит у стола в кресле. На столе телефон, бутылка, коньячный бокал. Философ берет бутылку, наливает в бокал, подносит ко рту, делает глоток, ставит бокал, снимает трубку, нажимает кнопки телефона. В трубке гудки, потом мужской голос:

- Ало.

Философ (чуть заплетающимся языком): Здорово, старый.

Голос в трубке: Кто это?

Философ: Не узнал?

Голос: Теперь узнал...

Философ: А, где здравствуй?

Голос: Это обязательно?

Философ: Смотря по обстоятельствам...

Голос: Что тебе нужно?

Философ: Почему сразу нужно?

Голос: Ну, говори...

Философ: Сейчас... (Берет бокал, делает глоток).

Голос: Ты пьешь?

Философ: Да...

Голос (раздраженно): А ты в курсе сколько времени?

Философ: Это имеет значение?

Голос: Четыре утра! Мне в полвосьмого вставать... Звонить пьяным в дюпель после десятилетнего перерыва!

Философ: Подожди... Я хотел ...поговорить об Ольке...

Голос (иронично): Весьма своевременно!

Философ (совершенно трезвым голосом): Я не думал, что все так обернется...

Голос (издевательски): Ты не знал, что она беременна? Не знал, что у женщин в этом состоянии крыша едет?!

Философ (почти шепотом): Я не думал ...

Голос (перебивая): Теперь уже поздно...

Философ (почти кричит): Я не мог этого предвидеть!

Голос: Не звони мне больше...

Философ: То есть ты считаешь, что виноват я ..., да? Ее родители, между прочим, меня не винили! Мать сказала, что, если бы Олька была нормальная, она бы этого не сделала, мало ли, что пьяный дурак брякнул! Ее даже отпевать разрешили!

В трубке пошли короткие гудки. Философ кладет трубку на рычаг, берет бокал, пьет не отрываясь. Телефон звонит. Философ не реагирует. Телефон звонит.

Философ (телефону): Да пошел ты...

Берет бутылку, пьет из горлышка. Телефон продолжает звонить.

Затемнение.

Картина IV

Обстановка первой картины. Философ стоит рядом с Шутником, глаза закрыты. Шутник кладет руку ему на плечо. Крикун сидит на полу, как маленький крутит головой, переводя взгляд с одного на другого.

Шутник: Давно?

Философ (не реагируя на вопрос Шутника): Банально и пошло...

Шутник: Что банально?

Философ (делает шаг, сбрасывая руку Шутника с плеча): Решать проблемы при помощи водки.

Крикун: А водка причем?

Философ (устало): Я – самоубийца. (Быстрой скороговоркой). Моя девушка выпрыгнула в окно. Беременная... Я тогда напился и сказал ей, что-то типа, «дети только бабам нужны и они делают вид, что их безумно любят»... Ну, совсем готовый был не соображал, что нес... Я когда напьюсь отключаюсь быстро... (Трет лицо руками). Она болезненно реагировала, когда я напивался, к друзьям ревновала...

Шутник: Да, я слышал, есть такой тип – все только мне..., особенно мужчина...

Философ: Мы дружили втроем, я, она и еще один парень, учились в одной группе. Сначала вроде дружили..., просто..., потом у нас любовь, а он вроде ..., (махнул рукой) свидетелем у нас собирался быть...

Шутник: А когда случилось, он сказал, что любил ее, что уступил тебе...

Философ: Да... Даже ее родители меня не винили... Отец сказал, что Ольга с детства была неуравновешенная..., лечилась даже...

Шутник: Ты знал?

Философ: Нет... А с ним мы, после окончания разошлись и десять лет не виделись..., я позвонил ему в день ее смерти...

Шутник: Дальше понятно...

Крикун: И ты после этого разговора...

Шутник (Крикуну): Не спрашивай!

Философ (равнодушно): Почему? Я напился в тот вечер и в петлю...

Шутник: А друг твой?

Философ: Он там, по ту сторону... Вроде ходит ко мне, цветочки носит... (Садится на пол закрывает глаза)

Шутник: «...разве еще быше изумлен, сиречь, вне ума своего».

Философ (открыв глаза): Ко мне это не относится...

Крикун вдруг вскакивает, бежит по сцене из конца в конец, как будто ощупывая границы пространства, подбегает к Шутнику, хватая за плечи, трясет.

Крикун (шепотом, постепенно переходя на крик): Я не хочу, не хочу, я не могу, не помню! Вы – мертвые, а я не хочу! (Со слезами) Не хочу!

Шутник (обнимая Крикуна, удерживая его): Тихо, братишка! Тихо...

Философ (повернулся к ним, Шутнику): Я думал, он уже понял...

Крикун (вырываясь из объятий Шутника, истерически): Нет! Я только, когда ты сказал, что ты самоубийца!

Шутник: Тихо, тихо! Это еще не окончательно... Бывает, что еще можно вернуться...

Крикун (рыдая): Куда?!

Шутник обнимает Крикуна, пытаясь успокоить. Философ растерянно топчется рядом с ними.

Затемнение.

Картина IV

Обстановка первой картины. Шутник и Крикун сидят друг напротив друга. Шутник что-то объясняет Крикуну. Говорит тихо, стараясь не тревожить Философа, который сидит с закрытыми глазами чуть в стороне от них.

Шутник (Крикуну): Теперь, понимаешь? Кто не помнит, как умер, еще не совсем умер...

Крикун (растеряно): Как это не совсем?

Шутник: Слушай, ну, ты чайник! Плохо стало - сознание потерял, в коме, под наркозом... А здесь времени нет, понимаешь?

Крикун: Совсем?

Шутник: А на кой? Ты куда-то опоздать боишься?

Крикун энергично замотал головой.

Крикун (кивает на Философа): А он хочет найти дорогу дальше, да?

Шутник (улыбнувшись): Найти..., если бы все было так просто...

Крикун: Но, мы же не можем быть здесь до бесконечности.

Шутник: Почему? Раз времени, как мы определили не существует...

Крикун (перебивая): Получается мы в чистилище?

Философ открывает глаза, смеется.

Философ (обращаясь к Крикуну, с пафосом): «Несчастный! Ты – в аду! Пламя жжет тебя нещадно. Ты кипишь в котле с маслом, в котором жарятся олекоек'и «для Астарты. Ты – колбаса в печи Люцифера, ты – жаркое в печи главного беса Гильгирота, вот ты кто, и тебя еще сначала изрубили на мелкие кусочки. Взгляни на этого великого грешника, пренебрегшего индальгенциями, взгляни на это блюдо с фрикадельками – это ты, это ты, это твоё грешное, твоё окаянное тело. А какова подлива? Сера, деготь, смола! И все несчастные грешники употребляются в пищу, а потом вновь оживают для новых мучений – и так без конца. Вот где воистину плач и скрежет зубов! Сохрани, Господи, и помилуй!»

Шутник смеется. Крикун удивленно смотрит на них.

Философ: «Тиль Уленшпигель». Не читал?

Крикун: Нет.

Шутник: Похоже?

Крикун: Иди, ты! Я типа debil?

Шутник: Ты не debil... Просто ты не понял, что нужно сделать, чтобы пойти дальше.

Крикун (Шутнику): А ты понял?

Философ: И он еще не совсем... Но вам легче, чем мне (прищуриваясь смотрит на Крикуна), а с тобой вообще не ясно, то ли ты дальше пойдешь, то ли тебя вернут.

Крикун: Ты откуда знаешь?

Философ (с интонацией стариков из «Белого солнца пустыни»): Давно здесь сидим.

Шутник смеется.

Крикун: Юморист... И, что дальше?

Философ: Думай...

Крикун: И, что?

Философ: Если правильно надумаешь, проход откроется

Шутник: А тама, шо?

Философ: Тама шото..., я не знаю..., но там, скорее всего что-то определенное, не то, что здесь.

Крикун: А ты видел тех, кто уходил?

Философ: Да.

Крикун: И, как?

Философ: Никак... Свет..., сильный свет и они исчезают...

Шутник: Это которые вперед – свет, а которые назад?

Философ: Те, которых вернули, мне не попадались...

Шутник: О, как!

Крикун встает, ходит туда-сюда. Останавливается, смотрит на Философа.

Крикун: Мужики, вы же что-то читали, чем-то таким интересовались, да? Я правильно понимаю?

Шутник: Понимаешь, у каждого свои представления об этом месте.

Крикун: Именно об этом?

Шутник: Не знаю... (Философу) Хорош отмалчиваться, ты же больше меня знаешь.

Философ: С чего ты взял?

Шутник: Я тебя вспомнил.

Крикун: Вы там встречались?

Философ (растеряно): Не помню...

Шутник улыбнулся.

Шутник (обращаясь к Философу): Интересуетесь эзотерикой? (Делает вид, что протягивает что-то Философу).

Философ (пораженно): От черт!

Частичное затемнение. Уличный шум. На заднике видео улицы. Шутник стоит за уличным прилавком, на котором разложены книги, Философ рассматривает книги, протягивает руку к одной, открывает обложку.

Шутник: Интересуетесь эзотерикой?

Философ (не поднимая голову): Жизнью после смерти.

Шутник: Хорошая тема. (Роется среди книг) Тогда, рекомендую. (Протягивает Философу книгу).

Философ берет книгу, читает название.

Философ: Раймонд Моуди «Жизнь после смерти». (Отдает книгу). Очередной Саи Баба?

Шутник: Нет.

Философ: А он хоть кто?

Шутник: Психиатр. Изучал проблему клинической смерти.

Философ: В смысле?

Шутник: Собирал воспоминания тех, кто с того света вернулся. У него вроде еще есть работа про путешествие человека в прошлые жизни.

Философ: Серьезно? А у вас есть?

Шутник: Нет, к сожалению.

Философ: Ладно, давайте пока эту. Сколько?

Шутник: Восемьсот.

Философ достает деньги, расплачивается, берет книгу.

Шутник: Вы заходите. Если появится, я Вам отложу.

Философ: Спасибо. (Уходит).

Частичное затемнение.

Обстановка первой картины. Шутник громоздит стулья и табуреты друг на друга.

Философ и Крикун с интересом наблюдают за ним.

Философ: Очень интересно..., ну, и что это за дизайнерский изыск?

Шутник: Буддисты считают, что постройка мандалы...

Крикун: Чего? Мандулы?

Философ поперхнулся от смеха.

Шутник (по слогам): Ман-да -лы – проекции небесной обители, каковая способствует обретению равновесия энергий и преобразованию человеческой души.

Крикун (ворчливо): Куда?

Шутник: Ни «куда», а откуда... Душа переходит на новый уровень...

Философ: Реинкарнирует?

Шутник: Нет! Вам же объясняют: на высший уровень...

Философ: Это ты, когда книги продавал начитался?

Шутник (беззаботно): Ага (продолжает ставить стулья).

Крикун (поет): Хорошую религию придумали индусы!

Шутник делает жест, мол, вам объясняй, не объясняй. Философ продолжает с интересом наблюдать за манипуляциями Шутника, Крикун пожимает плечами.

Философ: Справа подправь...

Шутник: Ага... (Отходит, смотрит на конструкцию). Материалом для мандалы служат крашенные зерна или цветной песок. Как только мандала закончена, ее надлежит разрушить, песок собрать и высыпать в реку для того, чтобы воды разнесли позитивную энергию по миру.

Отходит назад любуется конструкцией. Подправляет, продолжая говорить.

Шутник: Мы же за неимением песка, зерен и прочего, воспользуемся подручным материалом. (Про себя, поправляя конструкцию). Нет, вот так лучше... Наша цель в конечном итоге так же благородна, жаль реки нет.

Резко толкает конструкцию, которая разваливается с грохотом. Крикун и Философ отскакивают в сторону. Один из стульев чуть не задевает Философа, который во время монолога Шутника подошел совсем близко.

Философ: Сдурел!

Шутник (с акцентом): А, что тэбэ, ты же бэссмертный.

Крикун захохотал.

Крикун: Замечательный мульт! (Философу) Помнишь, «Батыр и богатырь» про то, как богатыри невест перепутали и один...

Философ, который слушает Крикуна, вдруг со всей силы хлопает себя по лбу, так, что Крикун от неожиданности вздрагивает.

Философ (громко): Вспомнил, представляешь! Я вспомнил!

Крикун: Тьфу, напугал!

Шутник (с азартом): Ага, сработало!

Крикун с опаской смотрит на Философа и Шутника.

Крикун: Нет, вы все-таки на голову больные...

Шутник: Не важно... (Крикуну). Понимаешь, действие с нетипичным результатом вызывает у человека стресс. А тот ведет к расширению сознания, что нам сейчас и нужно. Это я в учебнике по психологии вычитал.

Крикун: А ты на психологическом учился?

Шутник: Не доучился... (Философу) Давай, говори, чего пришло!

Философ (деловито): Давайте сядем, мужики.

Крикун и Шутник садятся рядом с Философом.

Философ: Значит, Моуди писал, что душа умирающего принимает форму его физического тела и отправляется в самостоятельное путешествие. Все, кто пережили клиническую смерть, говорят, что сначала летели через темный туннель..

Крикун (разочаровано): Про это даже я читал...

Шутник (Крикуну): Погоди... (Философу) дальше...

Философ:... потом выходили в свет и общались с некими сущностями, которые переводили их дальше, или возвращали назад..., в тело.

Крикун: Погоди-ка, я шел по дороге, нет..., что-то вроде туннеля было, впереди бежала собака, звала меня за собой, останавливалась, смотрела, иду ли я. А потом я здесь оказался...

Философ: Проводник..., интересно...

Крикун: Какой проводник?

Философ: У некоторых народов считается, что человека в загробный мир проводит собака. Она же защищает его на дороге, которая рассматривается, как некое испытание для души.

Шутник: Значит, получается, что нас специально сюда..., так?

Крикун: Получается каждый умирающий умирает по своему, чего заслужил, того и на тебе.

Философ: Логично... Еще вариант, человек не может окончательно расстаться со своей оболочкой

Шутник: И остается ни в тех, ни в сех?

Философ кивает. Шутник встает, прохаживается по сцене.

Шутник: Короче, наше место – пересыльный пункт, в который мы попали, чтобы что-то доделать и пойти дальше, так?

Философ: Похоже...

Крикун: Осталось всего ничего, понять, что именно.

Шутник (хлопнул в ладоши): Так, мужики, вспоминаем, кто, что делал перед тем, как попасть сюда..., в подробностях!

Философ: Думаешь, поможет?

Шутник: Должно...

Крикун пожимает плечами, Философ хмурится.

Шутник (решительно): Ладно, если боитесь, я начну...

Затемнение.

Занавес. Конец первого действия.

Действие II.

Картина I

Больничная палата. Шутник лежит на койке под капельницей, рядом с койкой тумбочка с настольной лампой. Глаза Шутника закрыты. Входит медсестра, она чуть старше Шутника. Тихо подходит, поправляет бутылочку. Шутник открывает глаза.

Шутник: Скажите, здесь есть библиотека.

Медсестра от неожиданности чуть не роняет бутылочку из гнезда штатива.

Медсестра: Я думала, Вы задремали...

Шутник: Есть или нет?

Медсестра: Есть..., наверное...

Шутник: Принесите мне, пожалуйста, одну книжку...

Медсестра: Какую?

Шутник: «Бесов». Только, где есть ненапечатанная глава «У Тихона».

Медсестра (растеряно): Ну, и чтение для... (осеклась)

Шутник: Для умирающего, да?

Медсестра (испуганно): Я не то имела в виду!

Шутник (спокойно): То, то... Вы не бойтесь, я знаю, что со мной, просто так в хоспис не принимают.

Медсестра (заученным тоном): Наш медицинский центр специализируется на особо сложных заболеваниях, в том числе, онкологических. У нас довольно высок процент стойких ремиссий, а бывают и случаи полного выздоровления....

Шутник (перебивая): Всю эту туфту я выслушал, когда меня сюда положили... Не надо... Я понимаю, что дома было бы в сто раз хуже, хоть койко-место и кусается... Хорошо у моих предков с деньгами порядок... Батя машину продал...

Медсестра опустила глаза, делает вид, что проверяет, как работает капельница.

Шутник (примиряющее): Эту тюльку Вы им и сестре рассказывайте.... почаще..., а мне не надо, хорошо?

Медсестра (смушенно): Хорошо..., но у нас профэтика, мы все подписываем специальный документ, когда нас принимают на работу...

Шутник (оживленно): А платят хорошо?

Медсестра: Нормально ...

Шутник: Это хорошо ..., а то можно свихнуться, каждый день видеть таких как я!

Медсестра: У Вас не самый страшный случай..., бывает хуже... (Спохватываясь) Извините...

Шутник (засмеялся): Не бойтесь ... Кстати, у вас неправильный подход. Надо говорить, что бывает хуже, чтобы такие, как я не жалели себя... Так принесете книжку?

Медсестра: Принесу..., даже почитаю Вам, если хотите...

Шутник: Хочу... (Цитируя) «Таков обычай. Русские писатели умирают с томом Достоевского на груди».

Медсестра прыскает от смеха.

Медсестра: Любите «Соло на ундервуде»?

Шутник: Довлатова, всего..., только одно исключение, я не писатель, а недоучившийся медицинский психолог.

Медсестра: Вы в университете учитесь? Значит, мы коллеги?!

Шутник: Учился... Вы, когда придете?

Медсестра (после паузы): Вечером... У меня дежурство заканчивается... Вас Мишей зовут, правильно?

Шутник: Да...

Медсестра: А меня Натальей

Шутник (с улыбкой): Милосердная сестрица Наталья... Хорошо звучит...

Медсестра смеясь.

Медсестра: Уже не совсем сестрица... Врач-интерн второй категории...

Шутник (смеясь): Как все непросто!

Медсестра: Только обещайте хорошо себя вести! Будете слушаться врачей?

Шутник: Буду, буду... (хитро), если придете!

Медсестра грозит Шутнику пальцем. Затемнение.

Больничная палата, полутьма, горит настольная лампа. Медсестра сидит под лампой и читает вслух Шутнику, который лежит на койке полузакрыв глаза.

Медсестра:

- Что с вами? - вскричал он вдруг, почти в испуге всматриваясь в Тихона. Тот стоял перед ним, сложив перед собою вперед ладонями руки, и болезненная судорога, казалось, как бы от величайшего испуга прошла мгновенно по лицу его.

- Что с вами? что с вами? - повторял Ставрогин, бросаясь к нему, чтоб его поддержать. Ему показалось, что тот упадет.

- Я вижу... я вижу как наяву, - воскликнул Тихон пронизающим душу голосом и с выражением сильнейшей горести, - что никогда вы, бедный погибший юноша, не стояли так близко к новому и еще сильнейшему преступлению, как в сию минуту!

- Успокойтесь, - упрасивал решительно встревоженный за него Ставрогин, - я может быть еще отложу... вы правы... я не обнародую листки... успокойтесь.

- Нет, не после обнародования, а еще до обнародования за день, за час может быть до великого шага, ты бросишься в новое преступление, как в исход, и совершишь его единственно, чтобы только *избежать* сего обнародования листков, на котором теперь настаиваешь...

Медсестра (опустив книжку, тихо): Миша, устал? Может, хватит?

Шутник: Нет..., как ты думаешь, почему Достоевский довел Ставрогина до самоубийства?

Медсестра: Я не понимаю..., ты два месяца просишь, чтобы я тебе читала именно эту главу... Тебе не страшно?

Шутник делает отрицательный жест рукой.

Шутник: Никогда не стал бы обсуждать такие вещи..., раньше..., в голову не приходило... Я Достоевского начал читать, когда первый раз на «химию» попал... Сосед по палате подсунул... Забавный такой дядька... он филолог был...

Медсестра (кивнула, помолчала): Ставрогин был болен... Судя по всему шизофренией..., у него был шуб..., а шизофреники часто кончают с собой... болезнь такая...

Шутник: Слишком физиологично... Ты как ты относишься к эвтаназии?

Медсестра: Плохо...

Шутник пытается привстать, чтобы лучше видеть Медсестру, но у него не получается. Медсестра приподнимает его, подсовывая под плечи подушку.

Шутник (немного задыхаясь): Спасибо...

Медсестра (с тревогой): Больно?!

Шутник: Нет... Днем хуже было..., после уколов легче... Так, почему? Человек безнадежно болен, мучается, физически, психически... (Подумав) Может, психически еще хуже...

Медсестра: Нельзя по своей воле лишать себя того, что не ты дал... Ты же не знаешь точно, зачем тебе дали ... и пока до конца не дойдешь, не узнаешь...

Шутник (удивленно): Ты верующая?

Медсестра (тихо): Да.

Шутник: И в церковь ходишь?

Медсестра: Хожу...

Шутник: А вчера была?

Медсестра: Была...

Шутник: Молилась?

Медсестра: Да... (помолчав) за тебя... и свечку поставила твоему ангелу...

Шутник (берет медсестру за руку): И о чем просила?

Медсестра: Чтобы ты поправился...

Шутник (ласково): Наташ, ты веришь в чудо? Ты же врач...

Медсестра кивает, отворачивает голову от Шутника.

Шутник: Ну, не плачь! Ты же знаешь, когда все кончится, мне будет лучше..., в любом случае лучше, чем сейчас...

Медсестра (поворачивается к Шутнику, страстно): Ты не знаешь! И я не знаю! Мне лучше не будет!

Высвобождает руку из рук Шутника, встает, отходит в глубину, стоит спиной к Шутнику.

Медсестра (не поворачиваясь к Шутнику): Миша, я пойду, покурю, я быстро...

Шутник: Кури здесь... Окно открой...

Медсестра: Нельзя...

Шутник: Мы скажем, что это я.

Медсестра: Вытяжки же нет, унюхают.

Шутник: А мы скажем, что мне захотелось... Открой окно и кури спокойно...

Медсестра закуривает, проходит вглубь палаты, звук открываемого окна.

Шутник: Наташ!

Медсестра: Что?

Шутник: Не проси больше за меня...

Медсестра: Почему?!

Шутник: Иди сюда.

Медсестра подходит, садится на стул, Шутник берет ее руку.

Шутник: Понимаешь, человек, в любом случае, верит, не верит, дошел, не дошел, не должен превращаться в беспомощный, визжащий от боли кусок мяса! Зачем это нужно?!

Медсестра: Миша, это испытание...

Шутник: Это попы так говорят!

Медсестра: А Тихон у Достоевского?! Он же просит Ставрогина не убивать себя!

Шутник: Не знаю... христианский подвиг... у меня в голове файлы не сходятся...

Некоторое время молчат. Шутник тихонько смеется.

Медсестра: Ты что?

Шутник: В «Острове», помнишь, там этот чудик-отец Анатолий спрашивает у второго, которого Дюжев играет: «Ты ж меня любишь, отец Иов? Когда я помру, плакать будешь?» (Смотрит на медсестру).

Медсестра (почти сердито): Дурак! (Отворачивает голову от Шутника)

Шутник выпускает руку медсестры, его рука повисает бессильно. Медсестра резко поворачивает голову.

Медсестра: Миша, ты что? (Вскакивает, наклоняется над ним, берет за плечи) Миша!

Затемнение.

Картина II

Философ сидит у стола, пьет из бутылки, трезвонит телефон.

Философ (отнимая бутылку ото рта в перерыве между глотками): Громче-е-е! (Снова пьет).

Телефон звонит.

Философ (ставит бутылку, встряхивает головой): Черт... Достал...

Телефон звонит. Философ некоторое время смотрит на аппарат, снимает трубку.

Философ (издевательски): Знаешь, который час? (Смотрит на наручные часы) Половина пятого...

Голос: Протрезвел? Давай, говори что хотел!

Философ: А уже расхотел ...

Голос: Тогда меня послушай!

Философ: Не хочу ...

Голос: Тогда я приеду к тебе завтра!

Философ: Ты моего адреса не знаешь...

Голос: На работу приеду! Работу ты еще не поменял?!

Философ: Нет... (Отводит трубку от уха, взвешивает на руке, подносит к уху). Я размышляю, куда бы тебя послать... подальше и поизящней...

Голос: Мне плевать! Ты за каким хреном меня разбудил?

Философ: На свою голову... ладно..., говори, слушаю...

Голос (издевательски): Спасибо!

Философ: Рожай уже!

Голос: Если тебя интересует мое мнение: виноват ты!

Философ: Это я уже понял..., принимается... Все?

Голос: Не все...

Человек на той стороне провода старается справиться с волнением, тяжело дышит.

Философ: И кто из нас пьян? Ты будешь говорить или дышать мне в трубу, как оргастическая женщина?

Голос: Я десять лет ждал этого разговора ...

Философ: А че долго-то так? Как в плохом «мысле»...

Голос: Если бы Ольга осталась со мной, то жила бы до сих пор.

Философ: История не терпит сослагательного наклонения...

Голос: Научился? От Ольги?

Философ: Так! Или говори, или иди ... спать...

Голос: Хорошо... Днем, до того, Оля пришла ко мне и сказала, что неуверенна, хочет ли она ребенка. Она была такая, что я испугался...

Философ: Ты же сам говорил, у беременных бывает...

Голос (не слыша Философа): Я поехал к ней домой, нажал на отца, он раскололся, что у Ольки не все ладно с психикой... Я ему пообещал, что будет все хорошо..., с ней... Я знал, что она к тебе поедет, хотел перехватить ее по дороге...

Философ (перебивая): Кто тебя просил лезть в чужую семью?

Голос (кричит): Она мне была не чужая! Я Ольку знал с четырнадцати! Когда я вас познакомил, то у меня было предчувствие, что все плохо кончится! А я, дурак, не придал значения!

Философ: Ни в чем ты не был уверен... Не придумывай...

Голос (кричит): Если бы не ты Ольга стала моей женой! Она бы все равно ко мне ушла!

Философ: Допустим..., но это уже не проверишь...

Голос (захлебываясь): Ты сволочь! Циничная сволочь! Почему она, а не ты! Ты не задавал себе этот вопрос?

Философ: Представь себе, задавал..., только никто на него не мог ответить...

Голос (не слушая): Сколько бы на свете было бы счастливых людей? Четверо, как минимум! У меня все эти годы комплекс вины перед ее отцом!

Философ: Так ты за свой комплекс переживаешь?

В трубке слышатся ругательства вперемешку с рыданиями. Философ морщится, отставляет трубку от уха. Звук превращается в невнятное бульканье. Философ берет бутылку, пьет из горлышка, инстинктивно приближая трубку к себе. Голос становится слышнее.

Голос (кричит): Ты что, пьешь?!

Философ ставит бутылку на стол, говорит в трубку.

Философ (с трудом выговаривая слова): Пью... Задавал... Я тебе отвечу ...

С силой дергает телефонный шнур, вырывает его вместе с розеткой, голос прерывается, наступает тишина.

Философ (осматривая провод, с пьяной бравадой): О, как...

Не спеша связывает шнур в петлю.

Затемнение.

Картина III

Обстановка первой картины. Шутник сидит на полу, в задумчивости чертит пальцем какие-то знаки. Философ стоит рядом с ним, невидяще смотрит в пространство. Крикун сидит на стуле, подтянув колени к животу, упираясь в них головой. Молчание. Шутник отвлекается от своего занятия, поднимает голову, смотрит на Философа.

Шутник (Философу): Это называется доведение до самоубийства.

Философ (явно не слыша): Что?

Шутник: Доведение до самоубийства.

Философ (раздраженно): Мы не в суде...

Шутник: Ты мне объясни, как он живет?

Философ: Кверху каком... Большинство так живет...

Шутник: Ведь, каждый, кто на свете жил, любимых убивал. Один – жестокостью, другой – отравой похвал...

Крикун (подняв голову): «Баллада Редгинской тюрьмы»?

Философ (Крикуну): Вспомнил, что-нибудь?

Крикун (со вздохом): Нет... Шел по улице, потом удар, потом темнота, потом появилась собака...

Шутник: Ясно... А о чем думал, помнишь?

Крикун (разводя руками): Хоть убей!

Шутник: Вернешься, напиши Моуди...

Крикун: Не пори чушь, он уже умер...

Философ (Шутнику): А ты... сразу?

Шутник: Нет... На два месяца в кому, а потом... (В отчаянии). Я все время видел Наталью, понимаете?! Видел! Как она мучается, как надеется! Господи, почему же я дурак ей тогда не сказал!

Философ: Ты сказал...

Шутник (зло): Так не говорят!

Крикун: А, как?

Шутник (погасая): Просто: я тебя люблю...

Философ: Ты думаешь, ей бы стало легче? Она же понимала, что ты умираешь..., врач же, а молитвы, это самообман...

Шутник опускает голову, снова начинает чертить пальцем на полу. Крикун встает, подходит к Философу, становится прямо напротив него, смотрит в глаза.

Крикун (очень взвешено): Извини, я понимаю, что права не имею...

Философ: Давай без предисловий. Хочешь, говори...

Крикун (кивнул): Твой друг был не так уж и не прав.

Философ оторопел, он явно не ожидал от Крикуна, поэтому реагирует на его реплику внешне спокойно.

Философ: Обоснуй.

Крикун: Пожал-ста: ты никого, никогда не любил, по-настоящему... Чтобы другого, как себя... Ему больно и тебе, он радуется и ты... А у тебя заслон, я сам, и отвалите от меня со своими соплями!

Философ (очень тихо, придушено): Какого хрена, ты рассуждаешь о том, какой у меня заслон! Ты меня знаешь, да? Мою жизнь, мою семью?! Меня никогда не любили... Младшего брата, да, а я – бесплатное приложение! Когда я... В общем, мать даже на кладбище не приехала...

Крикун (спокойно): И поэтому ты решил, что имеешь право всех строить в одну шеренгу? Чего я не могу, того и другие не могут... Ольгу свою ты любил?

Философ: Да...

Крикун: Что-то не верится.

Философ (бесцветным голосом): Почему?

Крикун: Любил бы не напился ...

Философ: Ага... Это я уже слышал...

Философ идет по сцене, становится поодаль от Крикуна, такое впечатление, что их разделяет дуэльный барьер...

Философ: А, да, ты же психолог, как я забыл (сдерживая ярость), это же ваша специальность в мозгах копать! Тогда, скажи мне, умник, как можно научиться любить, если тебя не любят? Никто! За всю жизнь! Кроме собаки... Ну? Или ты сейчас скажешь, что это на уровне инстинкта, что такому не учатся? Ну?

Во время этого монолога Философ подходит к Крикуну все ближе. При последнем «ну» он готов вцепиться в него, Крикун инстинктивно делает шаг назад, поднимает локоть, заслоняясь.

Шутник (очень громко): Никак!

Крикун и Философ смотрят на него, замирают от неожиданности.

Шутник (нормальным тоном, обращаясь к Философу): Ты перепутал, это я психолог... И я тебе скажу, если бы ты перестал думать, что ты великое исключение из правил, потому, что не позволяешь себе любить, именно не позволяешь... Ты ведь любил этого твоего Руника-переростка? Плакал, когда он помер?

Шутник встает, подходит к Философу, говорит требовательно, почти зло:

- Любил? А Ольга твоя, чем хуже?! Но ты же ей пытался отомстить за свою матушку..., всем бабам отомстить пытался!

Философ минуту смотрит на Шутника, такое впечатление, что они сейчас сцепятся.

Крикун старается стать между ними.

Крикун: Э, мужики, брэк!

Философ делает резкое движение, хватает стул, который оказался рядом, швыряет его в сторону, стул с грохотом разбивается, отлетает спинка.

Шутник: Александр Македонский – великий полководец, но зачем, же стулья ломать...

Философ: Да, пошел ты!

Поворачивается спиной к Шутнику и Крикуну, отходит на задний план, садится на пол. Некоторое время сидит неподвижно, потом прячет голову в колени, слышно, что он заплакал.

Крикун (Шутнику): Ну, ты тоже... (Крутит пальцем у виска)

Крикун идет к Философу, неуверенно топчется возле него, потом присаживается, обнимает его за плечи.

Крикун: Ну, хватит! Что ты, как барышня, честное слово... У всех было..., я, знаешь, в шестнадцать лет вообще из дома сбежал..., от матери, к отцу, мы до сих пор с ней не разговариваем... Перестань!

Философ: Я пытался..., честно..., может, полюбил бы..., но я боялся..., а вдруг все не настоящее ... опять...

Шутник (смотрит на сломанный стул):

- Что можем знать мы о Христе

И о его путях,

С тех пор как посох стал кустом

У странника в руках?

Возле сломанного стула возникает пятно света, сначала слабое, дрожащее, потом свет усиливается, образуется световой столб, в котором играют пылинки. Шутник стоит и смотрит, на него словно напал столбняк. По сцене проходит порыв ветра. Философ и

Крикун, как по команде поворачиваются к световому столбу, подходят к Шутнику. Стоят молча.

Картина IV

Обстановка первой картины. Световой столб медленно двигается по сцене. Крикун, Философ и Шутник замерев смотрят на столб.

Крикун (хрипло): Это оно и есть?

Философ: Да...

Шутник: А, как?

Философ: Сейчас увидишь...

Столб медленно двигается к Философу, отсекает его о Крикуна и Шутника, Философ входит в столб. Поворачивается к Шутнику и Крикуну спиной. Столб ведет его в глубину сцены. В последний момент Философ оборачивается к Шутнику, подмигивает:

- Эй, ты следующий... (Исчезает).

Столб света на мгновение потухает, потом загорается и начинает двигаться к Шутнику. Шутник делает шаг навстречу, входит в него. Некоторое время стоит спиной к Крикуну, который замерев смотрит на Шутника. Шутник оборачивается.

Шутник (стоя в столбе света, Крикуну): А тебя вернут.

Крикун: Что? Я не хочу! (Кричит, почти плачет). Я пойду с вами!

Крикун пытается подойти к световому столбу, но словно натывается на невидимый барьер. Пытается столкнуть что-то с дороги.

Шутник (смеясь): Не пыли, братишка! (Серьезно). Это не мы решаем... С матерью помирись, слышишь?!

Крикун (остановился, смотрит на Шутника): А, вы?

Шутник: Мы будем в полном порядке... Слушай, пожалуйста, я тебя прошу, найди Наташку, скажи ей, что у меня все хорошо! Сделаешь?

Крикун: Конечно!

Шутник: Она работает в клинике, которая называется «Первый медицинский центр по ...

Световой столб пока он говорит, постепенно гаснет, Шутник исчезает. Крикун стоит на сцене один.

Крикун (тихо): Я найду... Найду... (Кричит) Слышишь, я найду!

Свет на сцене постепенно гаснет. Крикун исчезает в полумраке. Занавес. Конец.

В тексте пьесы использованы цитаты из произведений:

И. Кант ««Пролегомены к метафизике», «Критика чистого разума»

В. Цой «Бошетунмай» (альбом «Группа крови»)

К. Кастанеда «Учение дона Хуана: Путь знания индейцев яки»

«Номоканон» Пр. 178

Ф. Вийон «Катрен» («Я – Франсуа, чему не рад...», пер. И. Эренбурга)
Ш. де Костер «Легенда об Уленшпигеле» (пер. Н. Любимова)
Ф.М. Достоевский «Бесы», неопубликованная глава «У Тихона»
Н.В. Гоголь «Ревизор»
О. Уайльд «Баллада Рэдингской тюрьмы» (пер. Н. Воронель)